

УДК 82.091

Е. А. Худенко

Барнаул, Россия

**НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ТЕЛЕФОННАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ СЮЖЕТА**

Рассматриваются поэтические тексты, в которых телефонная коммуникация не достигает результата. Это преобразует экзистенциальную сущность героя, перекодифицирует сюжет из любовного – в «цеховой» (металитературный): несоединение с возлюбленной оборачивается проблемой самоидентификации и вопросом о поэтическом бессмертии творца.

Ключевые слова: телефон, сюжет, средство коммуникации, аудиальное восприятие.

Под сюжетом о телефонной коммуникации в данном случае будет пониматься как прямое изображение телефонного диалога в художественном тексте, так и сопутствующая сюжету атрибутика – мотивы голоса, телефонного номера, кабеля, внешний вид аппарата и т. д. Кроме того, мы ограничиваемся именно поэтическими произведениями, так как в них концентрированность тех эстетических потенциалов, о которых мы будем говорить далее, наиболее высока. Именно «внедренность» образа телефона и связанных с ним деталей в нарративную ткань текста создает, по мнению исследователя И. В. Кукулина, напряженность – прежде всего между полюсами частного и общественного: «взаимодействие частного и публичного самосознания осмысляют не только ученые-гуманитарии – философы, социологи и психологи, – но и литераторы, художники, режиссеры театра и кино, которые обращаются к неспециализированной аудитории. Более того, искусство, по-видимому, располагает более развитой, чем наука, системой средств для представления разных типов такого взаимодействия в качестве модельных. Исследование подобных “модельных типов” важно для понимания того, как эстетическая репрезентация соотносится с изменениями общества и индивидуальной психики в истории» [1, с. 324].

Телефон как средство медиальной связи транслирует металитературные смыслы: проблемы социализации частной жизни, соотношение письменного и устного слова в культуре, телесного и духовного начал личности и т. д.

Худенко Елена Анатольевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой литературы Алтайской государственной педагогической академии (ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия; helenahudenko@mail.ru; +7 (385 2) 38 84 70)

Сюжетология и сюжетология. 2014. № 2. С. 16–21.

© Е. А. Худенко, 2014

Символические функции телефона описаны в известной статье Р. Д. Тименчика «К символике телефона в русской поэзии» [2]. На примерах из произведений О. Мандельштама, В. Брюсова, М. Кузмина, Ж. Кокто и др. исследователь воссоздает следующие семиотические функции телефонного аппарата: телефон – зеркало; телефон – медиатор между мирами; телефон – знак любви и смерти. Нас же интересует вытекающий из семиотического поля сюжета его эстетический потенциал. Более того, общность приемов, характерная для «телефонных» текстов, позволяет предположить, что упоминание телефонного аппарата и создание пространства телефонного общения связаны с определенной сюжетологией русской литературы, а именно с сюжетом об утраченной любви, психоаналитически отсылающим к страху кастрации, эстетической смерти и страху потери читателя в томстве.

В известной книге «Понимание медиа: внешние расширения человека» канадский социолог М. Маклюен замечает: «Телефон является холодным средством коммуникации, или средством с низкой определенностью, так как ухо получает скудное количество информации» [3, с. 14]. Главное достоинство холодных средств коммуникации – нацеленность на потребителя, который должен активно достраивать недостающее восприятие.

Исследователь подчеркивает, что современного – сформированного письменной (следовательно, визуальной) культурой – человека раздражает разговор по телефону именно из-за бедности зрительного ряда. Человек, говорящий по телефону, часто испытывает потребность в механическом рисовании (или в мобильном телефоне заменяет имя абонента – фотографией), тем самым компенсируя недостающее ему восприятие: «...телефон – это участная форма, которая со всей силой электрического притяжения требует партнера. Он просто не будет действовать в качестве фонового инструмента, как радио» [3, с. 305].

Телефон актуализирует (и фрагментирует) такие человеческие органы, как ухо и *голос*. Потенциально именно соединение «ушной раковины» и «голосовых связок» порождает эротические коннотации телефонного средства связи. Телефонные сюжеты тесно связаны с темой любви, являясь символическим воплощением французского языка любви. Маклюен указывает: «Французский является “языком любви” именно потому, что особенно тесно – так же, как это делает телефон, – объединяет голос и ухо. А потому совершенно естественно целоваться по телефону, но нелегко во время телефонного разговора визуализировать» [3, с. 304].

С другой стороны, телефонная близость создает *иллюзию* реальной близости, имитируя соединение двух говорящих, но на самом деле их не соединяя. При этом самого лица, как у абонента, так и у его собеседника в эмпирической реальности нет, телефонное общение – это виртуальное общение, общение с бестелесной сущностью, по-другому говоря, – с тенью, основанное на зеркальной семиотической функции телефонного аппарата (и на его техническом устройстве по принципу эха).

Телефон становится частотным образом в поэзии, с которым связаны надежды на обретение и соединение с возлюбленной во времени и пространстве и, как следствие, на обретение самого себя. Человеческие «расширения» в ухо и голос, которые протягиваются в пространстве за счет протезов-проводов, – это те же органы восприятия, что нужны для создания поэтического искусства. Поэты не раз воссоздают истоки собственного дара – как правило, звуковые (А. Ахматова (цикл «Творчество»), О. Мандельштам (первое стихотворение первого сборника «Камень») и др.). Именно аудиальное восприятие становится онтологически значимым для поэтической речи: ухо ловит звуки и перерабатывает их в «голос» (Ахматова), в «топот губ» (Мандельштам), у Маяковского – это звук шагов по комнате, порождающий ритм (статья «Как делать стихи»).

При любом телефонном общении происходит реализация коммуникативных потребностей и вербальных способностей личности. Но рядовой создатель телефонной речи «умирает», не закрепившись на бумаге (знак его участия в коммуникативном пространстве – самый распространенный вопрос по мобильному телефону «Ты где?») даже создает новую онтологию современного человека – онтологию мобильности [4]. Для настоящего творца (претендующего на бессмертие через письмо) этот конфликт между письменной и устной речью подкрепляется осложненной любовной коллизией. Реализованный телефонный разговор с возлюбленной приравнивается к обретению собственной идентификации в пространстве и во времени (знаменитое стихотворение В. Высоцкого – редкое в ряду «счастливых» телефонных – означает момент соединения словами: «Ну, здравствуй, – это я!»). Более частотный сюжетный ряд – несостоявшийся телефонный разговор – знаменует не только любовную, но и творческую неудачу, проблематизирует вопрос о поэтическом бессмертии автора. Таким образом, происходит некоторая корректировка концепции телефонно-любовной лирики в литературе XX в. в сторону развертывания не собственного любовного сюжета, а сюжета «цехового»: поиск собственного места в потомстве и собственной поэтической идентификации выходят на первый план.

Список «телефонных» текстов, в которых герой ожидает услышать голос возлюбленной и таким образом соединиться с ней – прежде всего в ментальном пространстве, – довольно велик. Эти тексты частично представлены в указанных нами исследованиях Р. Тименчика, И. Кукулина, нас интересует в этом материале локальная зона: что происходит с героем-поэтом тогда, когда он не достигает телефонной близости с возлюбленной. Такая «нон-телефония» как сюжетный стержень воссоздана в поэтических текстах В. Набокова «Телефон» (1921), В. Маяковского «Про это» (1923), А. Тарковского «Звездный каталог» (1945), Н. Заболоцкого «Голос в телефоне» (1957), И. Бродского «Элегия» (1962) и «Сонет» (1967) и др.

Обращает на себя внимание структурная общность в реализации телефонного сюжета в названных стихотворениях: большинство из них созданы не как диалоги с возлюбленной, а как посланные в пространство и не услышанные монологи. У Маяковского в поэме «Про это» не приводится ни одного слова из телефонных переговоров героя и возлюбленной, хотя именно два телефонных разговора задают сюжетную схему текста. О вербальном содержании бесед читатель может только догадываться по эмоциональной реакции героя. Только у Набокова есть графическая маркировка диалога, однако «реальность» разговора сильно подорвана трансцендентностью героини. Таким образом, общение между двумя абонентами в большинстве текстов переведено в область нулевой коммуникации. Если в этих квазидialogах и появляется голос возлюбленной, как в текстах Набокова и Тарковского, то он не столько соединяет миры (женский и мужской), сколько свидетельствует об их непреодолимой разности.

У Набокова в стихотворении, записанном в письме к матери из Кембриджа, звук голоса, отвечающего герою, предстает как «глухой», как «плач летучий», как «рыдание чудовищных ландышей» [5]. Текст Набокова воспроизводит устойчивый комплекс мотивов в стихотворениях этой поры: плач – растительность (черемуха, березы, ландыши, рябины) – весна – Россия. Если бы не название текста, то стихотворение, скорее, можно было бы отнести к онейрическому пространству – частотному звену указанного поэтического комплекса. Таким образом, телефон становится элементом набоковского зазеркалья и знаком поиска в нем истинного «я».

У Арсения Тарковского в стихотворении «Звездный каталог» вместо реальной возлюбленной «отвечает альфа Ориона». Не случайно поэт называет возлюблен-

ную именем той мегазвезды, что мифологически отвечает за бессмертие и славу [6]. Потеря возлюбленной приравнивается к потере коммуникации с будущим читателем-потомком. Отсюда слово «каталог» в названии текста – это метафора и библиотечного каталога, в котором на библиографической карточке-карте (звездная карта = карточка) имя поэта может быть не вписано.

Я в дороге, я теперь звезда,
Я тебя забыла навсегда.
Я звезда – денницына сестрица,
Я тебе не захочу присниться,
До тебя мне дела больше нет.
Позвони мне через триста лет [7, с. 86].

Стихотворение Н. Заболоцкого, входящее в цикл «Последняя любовь», непосредственно создает воспоминание о голосе возлюбленной, в нем четко разграничивается пространство на «раньше» и «потом». Раньше голос был как «птица», «родник», «изливался в сиянии по стальному проводу», потом стал, как «рыданье», «прощанье», «покаянье». Теперь –

...кричит душа моя от боли,
И молчит мой черный телефон [8, с. 266].

Эти финальные строки воспроизводят танатологическую функцию телефона, непосредственно реализованную в стихотворении О. Мандельштама «Телефон» (1918), где телефонный аппарат становится мотивом суицидального поведения героя по причине неразделенной любви – сюжет, использованный затем и в поэме Маяковского «Про это». Таким образом, уничтожение поэтического «я» происходит по причине не-соединения душ в проводном пространстве, где телефон становится знаком бессловесного, довербального (черного) небытия.

В стихотворениях И. Бродского «Сонет» («Как жаль, что тем, чем стало для меня / твое существование, не стало / мое существование для тебя...») и «Элегия» («До сих пор, вспоминая твой голос...») телефонная связь воплощает ущербность человеческих (прежде всего любовных) отношений. Эта «ущербность» протянута и через мегапространство космического континуума («проводочный космос»), и через приватное пространство человеческого тела: звонящий заранее знает, что не получит ответа, осознает, что звонит «в послезавтра», где откликнется уже не возлюбленная, а «лишь инвалид» – продукт эволюции любовных (не-любовных) отношений:

...мы – только части
крупного целого, из коего вьется нить
к нам, как шнур телефона, от динозавра
оставляя простой позвоночник; но позвонить
по нему больше некуда, кроме как в послезавтра,
где откликнется лишь инвалид – зане
потерявший конечность, подругу, душу
есть продукт эволюции. И набрать этот номер мне
как выползти из воды на сушу [9, с. 347].

И в том, и в другом тексте Бродского меняется антропологическая сущность человека: телефонное свидание (так и не состоявшееся) похоже на встречу с призраком на спиритическом сеансе («Сонет») или на ошибку эволюции («Элегия»).

Мы показали, что в избранных текстах моменту «отсутствующей» любовной коммуникации сопутствует определенная поэтическая сюжетность – неразделенная (точнее, не-соединенная) любовь. Эта невозможность соединиться с возлюбленной может трактоваться, на наш взгляд, двояко: 1) как онтологическая невозможность полноты вербального высказывания, когда всякое слово изначально ущербно, оно не соединяет, а раз-деляет (тютчевская традиция); 2) как металитературная невозможность соединения не только с возлюбленной, но и с читателем как основным потребителем уже не любовной, но текстовой коммуникации в целом.

Такая коммуникативная неудача (не-соединение) – уже эстетического, а не только любовного свойства – порождает различные катастрофические эффекты. У Маяковского – пущенное слово создает взрыв и землетрясение (причем, они распространяются именно по телефонному кабелю, соединяющему квартиры Маяковского и Брик); у Мандельштама – телефон несет суицидальную смерть; у Набокова – рыдание «чудовищных» ландышей, которые ужасны по причине недосыаемости России; у Тарковского – абсолютную недосыаемость другого; у Заболоцкого – расставание тела и души; у Бродского – смену онтологической сущности (живой / мертвый) или эволюционный сдвиг. Именно возможная «гибель» творца (сначала – человека, а главное – поэта) и пути преодоления этого постепенно становятся главной темой «телефонных» текстов русской поэзии, протекающей из события голосового не-свидания.

В схематичном виде этот механизм «пересоставления» сюжета может выглядеть следующим образом: биографическое преобразуется в поэтическое; биографическое конфликтует с поэтическим: невозможность настоящего соединения с возлюбленной (не только аудиального, но физиологически полного) не только порождает ревность, но и усиливает экзистенциальное одиночество творцов; начинаются метаморфозы онтологического свойства, затрагивающие сущность и человека, и творца. Все эти антропологические сдвиги приводят к созданию новой сущности героя – его новому осознанию повышенной ценности не столько роли влюбленного человека, сколько роли поэта (в поэме Маяковского, например, лирический герой – новый распятый (в этот ряд помещены Пушкин, Лермонтов)).

Происходит постепенный сюжетный сдвиг: тема любовной телефонной коммуникации превращается в тему поисков собственной идентичности и целостности, того, что позволит настоящую ситуацию любовного бессилия превратить в эстетическое бессмертие и власть над временем.

Список литературы

1. *Кукулин И. В.* Одомашнивание цифр: осмысление квазидокументности телефонного номера в русской поэзии XX века // Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / Под ред.: И. М. Каспэ. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
2. *Тименчик Р. Д.* К символике телефона в русской поэзии // Труды по знаковым системам. Тарту, 1988. Вып. 22. С. 155–163.
3. *Маклюен М.* Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.
4. *Феррарис М.* Ты где? Онтология мобильного телефона. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
5. *Набоков В.* Телефон // Набоков В. Стихотворения. URL: <http://lib.rus.ec/b/416216/read> (дата обращения 12.05.2014).

Худенко Е. А. Несостоявшаяся телефонная коммуникация

6. *Лавров А.* Неподвижные звезды: Альфа Ориона – Бетельгейзе. URL: <http://kometa-love.ru/article.php?fixed/betelgeuze> (дата обращения 12.05.2014).
7. *Тарковский А.* Благословенный свет: Избранные стихотворения. СПб., 1993.
8. *Заболоцкий Н. А.* Столбцы и поэмы. Стихотворения. М., 1989.
9. *Бродский И.* Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-классика, 2010.

Е. А. Khudenko

Barnaul, Russian Federation

**UNFULFILLED TELEPHONE COMMUNICATION:
EXISTENTIAL AND AESTHETIC POTENTIAL OF THE PLOT**

The article deals with the poetic texts in which telephone communication does not reach the result. This converts existential essence of the hero, recodifies the story from being «love» to «shop» (metaliterary): failure in connection with sweetheart turns into a problem of self-identification and the question of poetic immortality of the Creator.

Keywords: telephone, plot, means of communication, auditory perception.

Khudenko Elena A. – Doctor of Philological Science, professor of the Chair of a Literature of the Altai State Pedagogical Academy (55 Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russian Federation; helenahudenko@mail.ru; +7 (385 2) 38 84 70)